

Р.В. Кинжалов

ТЕРИОМАХИЯ КАК ОДНА ИЗ ИНСИГНИЙ ЦАРСТВОВАНИЯ (по материалам Древнего Востока)

В памятниках изобразительного искусства Древнего Востока (как монументального, так и прикладного — глиптика, ювелирные украшения) необычайно часты изображения сцен охоты/борьбы со львами или дикими быками-турами. Сцены эти показывают нам царя в единоборстве с животным или охоту на него с колесниц. Обычно появление их в Переднеазиатском искусстве объясняют изменением экологической обстановки (размножение хищников из-за частых войн и пр.). Д.С. Садаев [Садаев 1979: 218], например, удивляется, почему, скажем, Ашшурбанипал охотился на львов и совершенно пренебрегал медведями и страусами. Думается, что суть этих изображений кроется в другом. Лев издревле считался «царем зверей» среди животных, подобная роль отводилась и туру. Поэтому здесь можно предполагать наличие более сложного идеологического комплекса, чем просто царское развлечение.

С особой силой эта тема запечатлена в ассирийском искусстве (рельефы Ашшурнасирапала II, Ашшурбанипала и других владык). Изображения сопровождаются объяснительными надписями. Вот, например, два текста из них:

«Я, Ашшурбанипал, царь вселенной, царь Ассирии, ради удовольствия моего, охотясь пешком, схватил свирепого льва пустыни за уши, с помощью Ашшура и Иштар, госпожи сражений, дротиком рук моих я пронзил его тело...»

«Я, Ашшурбанипал, царь вселенной, царь Ассирии, ради развлечения моего величества схватил за хвост льва пустыни; по повелению Нинурты и Нергала, великих богов, моих помощников, собственной палицей я разможил ему голову, расколол череп его обоюдоострым мечом»¹.

Мы не можем знать, насколько эта борьба была реальной или определенного рода инсценированной (ср.: [История Древнего Востока 1988: 105]). На последнее, кажется, указывает наблюдение академика Б.Б. Пиотровского о том, что эти рельефы изготовлялись по определенным шаблонам [Пиотровский 1962: 187].

¹ Перевод Н.Д. Флиттнер.

Одновременно или несколько раньше тематика борьбы/охоты со львами появляется в монументальном искусстве хеттов, сиро-финикийских городов-государств, древнего Ирана [Флиттнер 1940: 49–69; 1958: 59, 75, 80, 91, 92, 157, 250, 268; Sarre Fr. 1923: Taf. 16]². Эти же сюжеты встречаются и в искусстве Древнего Египта, но в меньшем объеме. Древнейшим образцом, очевидно, следует считать изображение на ручке ножа из Иераконполиса: мужчина (в одежде, характерной для жителей Месопотамии) душит двух вздыбившихся могучих львов. Эта же тематика встречается и в период Нового Царства: Аменхотеп III, чье лицо мы видим у сфинксов около Академии художеств, был страстным охотником на львов. Об этом, по крайней мере, говорят его специальные надписи на памятных скарабеях, где фараон перечисляет количество убитых хищников. Особым скарабеем была отмечена десятилетняя годовщина царских охот на львов. «Число львов, добытых его величеством, его собственной стрельбой, начиная с первого года царствования и кончая десятым годом царствования — 102 грозных льва» [История Древнего Востока 1988: 454]. На остраконе юный Тутанхамон поражает копьем свирепого льва, а на крышке расписного ларца он убивает их стрелами. На монументальном рельефе в Мединет-Абу Рамсес III преследует на колеснице диких туров. Следует отметить, что появление в искусстве Древнего Египта этой тематики совпадает по времени с расцветом политических и культурных связей Египта и государств Передней Азии. Это не случайно.

И в более поздние времена мы встречаем тематику териомахии в памятниках искусства эллинистических монархий, начиная со знаменитой львиной охоты Александра Македонского.

Выше уже упоминалось, что неправильно было бы усматривать во всем этом только простое развлечение или разновидность спорта. Нет, эта териомахия была, как нам представляется, неременной частью царственных ритуалов, своеобразным пережитком испытания сил племенных вождей в древних обществах (типа ритуального бега фараона при празднике Хеб-сед в Египте). Не случайно в древнем Иране участник царской охоты, выпустивший стрелу в льва раньше шахиншаха, наказывался смертью. Царь, убивающий льва или тура, уподоблялся богу или герою, совершившему некогда такой же подвиг (то есть, в конечном счете, тот же ритуал обновления).

В мифологически-ритуальном сознании народов древности (охотников-собирателей и затем земледельцев) образ льва ассоциировался с воплощением высшей силы, мощи, власти и величия, был символом солнца и огня. Здесь следует иметь в виду нерасщепленность образов в древнейшем сознании. Это хорошо сформулировала О.М. Фрейденберг: «Тотем — это то животное, которое умерщвляется, и тотем — тот глава-коллектив, который умерщвляет» [Фрейденберг 1978: 34]. Позднее, в процессе развития, про-

² Ср.: «На воротах резные изображения льва, стоящего на задних лапах, и необычайно храброго персидского царя, который, держа льва за уши, разрезает ему мечом живот» [Ян 1967: 93].

исходит расщепление этого некогда единого образа и появляются зверь-враг и герой-победитель.

Для ранних этапов подобных представлений характерен мотив борьбы человекообразного божества со своим териоморфным двойником³. В материалах искусства древней Месопотамии очень часты изображения божественного героя Гильгамеша или его спутника-двойника Энкиду, борющихся со львами или турами и побеждающих их. Апофеозом подобных сцен являются рельефы из дворца Саргона II в Хорсабаде, где Гильгамеш душит льва словно котенка, прижимая его левой рукой к своему боку. Думается, что и популярная в древнегреческом искусстве тема борьбы Геракла с Немейским львом также восходит к этому же кругу мифологической семантики.

Сложнее обстоит дело с семантическим содержанием образа быка-тура. Охота на этого зверя также служила сюжетом древневосточных изобразительных памятников. Тот же Аменхотеп III хвалился, что поразил в одной охоте свыше полусотни, а через четыре дня — еще четыре десятка могучих быков [История Древнего Востока 1988: 452].

Первоначально бык/тур связан с представлениями о мощи, силе плодородия (Апис в Древнем Египте и др.). Так как небо оплодотворяет землю, то бык в земледельческую эпоху становится небесным быком, а отсюда — богом грозы (например, у хурритов) и лунным божеством. Но он также связан с недрами земли, подземным миром, землетрясениями и др. (ср. образ Минотавра в греческой мифологии). В шумерской песне «Гильгамеш и небесный бык», а затем и в аккадском эпосе о Гильгамеше фигурирует небесный бык, посланный богами на землю в наказание герою за его отказ полюбить богиню Иштар. Гильгамеш убивает быка, а Энкиду оскорбляет Иштар, бросив в нее оторванную бычью ногу (за что он потом и умирает). Сцены единоборства героев с быком чрезвычайно часты на месопотамских цилиндрах-печатах [Дьяконов 1958: 5–26; Эпос о Гильгамеше 1961: Табл. VI; Афанасьева 1979].

В греческой мифологии борьба с быком отражена в мифах о критском быке и Геракле, Тесее и Минотавре, морском быке и Ипполите и др.⁴ Думается, что и ритуальная игра с быками, засвидетельствованная на Крите с минойского времени, восходит также к комплексу териомахии, только с заместителями царя. Впрочем, допустимо, что среди команды был и так называемый временный царь, подобный описанным в труде Дж. Фрейзера «Золотая ветвь».

Нельзя не упомянуть о связи греческого бога Диониса с культом быка. Не говоря уже об эпитетах его — бык, быковидный, быколикий, быкоро-

³ Конечно, подобные представления постепенно модифицировались. Если вначале божество или герой боролись с олицетворением злых сил, воплощенных в териоморфном облике, то впоследствии эти звериные образы расщепляются снова, и изображения львов уже служат подставками для трона богов или земных властителей.

⁴ Подробный разбор античных материалов по культу быка см. в: [Cook 1914: 430–665; 1940: 615 ff, 631, 945, 1091 и др.]/ Там же и многочисленные данные по культу льва [Cook 1914: 230 ff, 436, 526, 571, 625; 1940: 832, 834, 837, 987, 1045, 1052 и др.].

гий, быконогий, роконосящий, двурогий, напомним о празднике на Крите, отмечавшемся каждые два года. Участники его своими зубами разрывали на куски живого быка, а затем совершали ритуальный пробег по окрестным лесам (налицо та же первобытная териомахия).

Особняком в этом круге мифологем стоит изображение на цилиндре-печати из Суз (начало III тыс. до н.э.). На нем мы видим стоящего на задних ногах быка, попирающего передними двух львов (в адоративных позах) и гигантского льва в такой же позе, когтящего двух вздыбившихся быков. Эти сложные геральдические композиции венчает символ Великой богини-матери. Здесь и лев, и бык выступают как заместители-ипостаси богини. Этот чрезвычайно интересный памятник, отражающий какую-то неизвестную мифологему, несомненно заслуживает отдельного изучения.

Думается, следует указать, что материалы других цивилизаций, расположенных на территориях к востоку и юго-востоку от Месопотамии, в данном сообщении не рассматриваются.

Итак, этот сложный ритуально-мифологический комплекс сложился в Междуречье очень рано, вероятно в эпоху охотничества, и постепенно развивался и видоизменялся. Впоследствии, в эпоху Нового царства, данная тематика появляется в Египте и других странах древнего Средиземноморья, откуда переходит (в смягченно-мифологизированном виде) и в Грецию.

Библиография

- Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду // Эпические образы в искусстве. М., 1979.
- Дьяконов И.М. Образ Гильгамеша (к вопросу о соотношении мифа и эпической поэзии) // Культура и искусство античного мира и Востока. Л.; М., 1958. Т. 1.
- Пиотровский Б.Б. Ассирия // Искусство стран и народов мира. М., 1962. Т. 1.
- Садаев Д.С. История Древней Ассирии. М., 1979.
- Флиттнер Н.Д. Охота и борьба с животным в искусстве Передней Азии и золотой перстень № 6652 Государственного Эрмитажа // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. III.
- Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.; М., 1958.
- Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
- Ян В. Огни на курганах. М., 1967.
- История Древнего Востока. М., 1988. Ч. 2.
- Эпос о Гильгамеше / Пер. с аккад. И.М. Дьяконова. М.; Л., 1961.

Sarre Fr. Die Kunst der Alten Persien. Berlin, 1923.

Cook A.B. Zeus. A Study of Ancient Religion. Vol. 1. Cambridge, 1914; Vol. III. Cambridge, 1940.